

Зависть

Текст с иллюстрациями можно прочитать здесь:

<http://www.liveinternet.ru/users/4514961/post254080753/>

Как-то на одном из занятий литобъединения я выступила с обзором стихов местных поэтов. Одного из них я раскритиковала, а другого, как бы ставя ему в пример, - расхвалила. Позже и в том, и в другом поступке я раскаялась. В первом — потому что у раскритикованного мной поэта случился инфаркт. Правда, он случился с ним несколько лет спустя, но я всё равно чувствовала угрызения, что была в том доля и моей вины. Ибо поэт очень переживал мою критику, даже слёг тогда и на несколько месяцев потерял способность писать стихи.

Впредь я старалась относиться к поэтам бережнее и, щадя их нежные, ранимые души, искала более мягкие выражения в своих критических выпадах.

Позже раскритикованный поэт сложил про меня стих:

Где-то староста здесь наша,
наша милая Наташа?
Не пойму, то ли двоится,
но одна во многих лицах:

то весенним ручейком
зажурчит, то вдруг пинком
наподдаст, что кувыркаешь
да приступочки считаешь.

Правда, тут же успокоит,
приподымет, отряхнёт,
сострадальчески вздохнёт...
Новый раунд подготовит -
и под дыхло саданёт!

Другой же, расхваленный мной поэт, в меня влюбился. Думаю, что именно вследствие этого. Помните, как сказал известный лирик?

Но если стихов не похвалишь моих,
то помни — развод неизбежен!

Ну и, соответственно, если похвалишь — следует диаметрально противоположная реакция. Поэты — они такие.

Любовь поэта была рыцарской и ненавязчивой. Она выражалась в той форме, в какой ей и положено было выражаться у поэта: в посвящении стихов. Стихи были не простые, а акростиhi, что во многом умножало их ценность. Не удержусь, чтобы не привести хоть один:

Никчему изощряться в сонетах -
Акростих — это тоже форма.
Ты на свет появилась поэтом,
А поэт — хоть не сладко, да гордо...
Шаг поэта — движенье к барьеру,
Если только не вытравит Веру
Ком горячий, щекочащий горло...

Радость образа — синяя птица,
Аромат на блокнотной странице -
Всё, как магу, подвластно тебе.

Чрево мира, развёрстое настезь,
Ежедневное трудное счастье...
Но поэту ль сдаваться в борьбе?
Как ты можешь, Наташа, скажи,
Оставаться поэтом и... жить?!

Таких акrostихов было где-то около полуста. Я благосклонно их принимала и аккуратно складывала в папку с тем, чтобы когда-нибудь потом, в старости перечитывать. Поэт чутко откликнулся на каждый мой творческий импульс. Например, стоило мне написать шуточный экспромт:

Тает снег, тает лёд,
тает в небе самолёт,
тают в сумраке года,
тает счастье без следа...
Всё вода, вода, вода! -

как он тут же отвечал своим экспромтом:

Тает снег, тает лёд -
Почему? - дурак поймёт!
Вот и я уже, похоже,
с Вами рядом таю тоже.

Растаю, видно по всему,
как самолёт, зато
теперь я знаю, почему
на свете был потоп!

Когда я на одном из занятий читала лекцию о Блоке, поэт тут же попутно сочинял свой ответный опус:

Смотрит тьма зачарованно в окна,
смотрит столб — зачарованный дым.
Ты рассказываешь про Блока,
ты давно очарована им.

И цитируешь снова и снова
вдохновенные строки певца.
Ну а я... я тобой очарован
навсегда, целиком, до конца.

Дай губами коснуться локонов -
и не тех, отражённых в окне...
Богу богово, Блоку — блоково,
но хоть что-то положено мне!

Освещённая внутренним светом,
справедливо ли это вполне:
полтора часа на поэтов,
и всего полминуты мне?!

Я сознавала, что это несправедливо, но ничего поделать не могла.

Он ухаживал за мной несколько лет. Я привязалась к нему, как к другу. Мы часто появлялись вместе в компаниях, ходили в кино, в театр. Но когда кто-нибудь в очередной раз спрашивал, не собираюсь ли я связать с ним свою жизнь, внутренний голос мне чётко говорил: «Нет и нет». Почему — я и сама не знала. А внутренний голос ничего насчёт этого объяснить не мог. Он только говорил: «Нет».

Как-то нас — несколько человек из литстудии — послали в Волгоград на семинар поэтов Поволжья. Днём мы занимались на семинаре, а вечером собирались у кого-нибудь в номере и до полночи читали стихи, спорили о поэзии, пели под гитару. Один мальчик из Астрахани захотел показать мне альбом со стихами членов своего объединения. Мы зашли к нему в номер. Там было ещё несколько человек. Мы сидели на кровати и рассматривали этот альбом. Вошёл поэт.

- А, это ты, - сказала я. - Смотри, какие стихи, садись с нами.

Поэт вспыхнул:

- Не буду вам мешать!

И ушёл, хлопнув дверью. «Вот дурак», - подумала я. И тут же забыла об этом эпизоде.

По утрам поэт обычно заходил за мной, и мы ехали на другой конец города на семинар. На следующее утро он не зашёл, и я, напрасно прождав, поехала одна. Я совершенно не ориентировалась в незнакомой местности и опоздала.

Поэт не зашёл за мной и на следующий день, и позже. Он оказался ревнивым и мстительным человеком, причём безо всяких на то оснований. «Хорошо, что я не вышла за него замуж», - думала я. Мой внутренний голос оказался прав. Хотя дело, конечно, было не в этом. Он мог бы быть и добрым, и великодушным, но это ничего не меняло, в сущности. Просто не было того главного, что освещает человека светом твоей собственной души и заставляет видеть достоинства даже в его недостатках.

Когда в моей жизни появился Давид, я познакомила его с поэтом. Он стал — не то что бы другом, но — приятелем нашей семьи. Часто приходил к нам вечерами, читал свои новые стихи. Потом у поэта появилась девушка. Я была за него искренно рада.

Приближался Новый год.

- Давай пригласим их к нам в гости, - предложила я мужу.

На работе поэта не оказалось, он был болен. Мы узнали его адрес и поехали к нему домой. Мы добирались часа три: сначала трамваем №10 до конца, потом автобусом до конечной, потом тащились пешком целую вечность, пока не подошли к какому-то бараку почти на краю леса. Это и был его дом. Я и не подозревала, в какой отдалённости от города он живёт. А ведь поэт все эти годы после занятий в литобъединении, которые заканчивались в одиннадцатом часу, провожал меня домой до самого подъезда, причём безо всякой для себя надежды, и только потом ехал из Ленинского района в свою тьмутаракань. Ведь он добирался до дома не раньше двух часов ночи! Только тогда я оценила этот его многолетний беспримерный рыцарский подвиг.

Я стала относиться к поэту с ещё большей теплотой и нежностью, насколько это было для меня возможно. Мне хотелось, чтобы у него тоже всё в жизни сложилось хорошо, как у нас. Тот новогодний вечер мы провели вчетвером. Пировали у телевизора, читали стихи, потом

ночью гуляли до Торгового Центра и обратно. Но наутро мы увидели, что у поэта что-то расклеилось с его девушкой. Не знаю, что у них в эту ночь произошло, но больше они не встречались. А вскоре и у нас с ним всё расклеилось.

Когда вышел мой первый сборник, и я радостно сообщила ему об этом по телефону, он как-то кисло отреагировал: «Ну что ж... хорошо...» Даже не поздравил. Тогда я не придавала этому большого значения.

Кстати, выход моего сборника — первого в Саратове в перестроечные годы — оказался той лакмусовой бумажкой, которая сразу высветила истинное отношение ко мне многих людей. Приятельница, тоже пишущая стихи, увидев его нарядную обложку, вся перекосилась в лице. На вопрос «ну как?» - выдавила через силу: «Слишком помпезно...»

Как-то я встретила бывшую преподавательницу на улице и разлетелась к ней с радостной вестью: «А у меня сборник выходит!», ожидая поздравлений, расспросов. Она округлила глаза, поджала губы, как будто я сказала по меньшей мере что-то неприличное, и тут же заговорила на другую тему.

Когда Давид принёс в газету мои стихи, зав. отделом культуры В. Бойко (сам поэт), не зная, что Давид — мой муж, с раздражением говорил о моей книге: «Нашла себе где-то спонсоров и издала хорошую — внешне! - книгу, которую продаёт за 500 рублей!»

- А Вы её читали? - спросил Давид.

- И не собираюсь.

А ведь все эти люди знали мои стихи и не раз хвалили их! Пока я была никто и ничто, они охотно гладили меня по головке и покровительственно одобряли моё творчество. Но стоило мне издать свою книгу без их ведома, причём за свой счёт, не покушаясь ни на какие общественные фонды и никого не обременяя просьбами денег, - они все ошетинились против меня, как будто я что-то у них украла.

Когда Давид встретил у книжного киоска главу саратовского авангарда Семенюка и поделился радостью по поводу выхода моего сборника, тот скривился: «У нас есть поэты поинтересней вашей Кравченко. Вот издадим наш альманах — увидите».

Я купила из любопытства этот альманах. Он был довольно тощим и продавался в университетской библиотеке за 1000 рублей. Продащица удивлённо смотрела на меня: я была единственной его покупательницей. А мой сборник разошёлся мгновенно, и обозреватель «Книжного обозрения» А. Щуплов сам изъявил желание написать о нём статью (№5, 1994), начинавшуюся словами: «А провинция продолжает удивлять...», а ведущий передачи ОРТ Марусев награждал победителей игры моим сборником «от московского фонда культуры» - мы случайно увидели это с Давидом по телевизору. Причём не знаем, как он к нему попал, мы с ним были незнакомы, видимо, из книжного магазина.

Всё это было очень больно и незаслуженно обидно. Почему-то я думала, что все будут радоваться вместе со мной моей первой книге. Но одно дело — когда тебе завидуют чужие, в сущности, люди. А когда друг...

После выхода моей второй книги отношения с поэтом стали ещё более натянутыми. Я всё ещё не понимала причины. После разгромной статьи Малохаткина, обвинявшего меня в антипатриотизме, сионизме и других идеологических грехах, я искала сочувствия у поэта по телефону. Он фальшиво протянул:

-Ну-у, он н-не совсем прав, конечно. Вышла книжка, не порнографическая, что уже неплохо...

Я почувствовала в его голосе скрытое злорадство.

Когда вышла третья моя книга — поэт меня уже почти ненавидел. Журналистка, работавшая в газете, где он был зам. редактора, написала про меня хвалебную статью. Он разнёс её в пух и прах на планёрке, придравшись к какой-то мелочи. Она, не понимая истинной причины его гнева, написала ещё одну положительную заметку о моих лекциях. Поэт устроил ей такой разнос, что она уволилась.

На очередном моём вечере какой-то фотограф стал меня снимать. Оказалось, что он из той же газеты.

- Не надо, - попросила я. Третьей заметки он не переживёт.

Фотография появилась в газете.

Фотограф — уж не знаю, случайно или нет — вскоре был уволен.

Однажды мы разговаривали по телефону с одной старой знакомой, Наташей Медведевой, хорошо знавшей поэта. Я ей рассказала всю эту историю.

- Представляешь, - недоумевала я, - ведь на пустом месте, без всякой причины. Я ведь ничего ему не сделала.

- Как же не сделала! - воскликнула она. - Ты же его в самое сердце уязвила — три сборника издала!

Вот уж, поистине, нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся.

Как-то я перебирала свои старые бумаги и наткнулась на ту папку со стихами поэта. Одно из них называлось «**Зависть**».

Будто выдуло из леска
облаков смешное стадо.
Я завидую облакам -
облакам тебя не надо.

Распевая песню ничью,
мчит весёлый ручей без огляда.
Я завидую и ручью -
ручейку тебя не надо.

Но печально в своей вышине
облака проплывают мимо. -
Облака завидуют мне:
мне ты просто необходима...

Странная это штука — зависть. Какую метаморфозу она может претерпеть у человека в течение жизни: от светлой и чистой в юности до чёрной и злобной, поглотившей в своей волчьей пасти и дружбу, и любовь.